

Майяна Жиколеева

доктор
филологических
наук, профессор
кафедры истории
русского языка
и языкознания КГУ

Спасибо
«блатной
музыке»

Продолжаем разговор о русском языке

Бытование в языке так называемой «блатной музыки» (арго, уголовного жаргона) всегда, в любую эпоху, интересовало в той или иной мере не только лингвистов, но и широкий круг людей различных профессий, возрастов, социальных групп. Тем существеннее для нас отношение к этому важному языковому пласту именно высоких специалистов – таких, например, как выдающийся языковед, основоположник Казанской лингвистической школы И.А.Бодуэн де Куртенэ (1845–1929). Заметим, что интерес к проблемам лексикографии был важной составляющей его научных устремлений

В начале прошлого века Бодуэн де Куртенэ принял участие в редактировании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля и Словаря В.Ф.Трахтенберга «Блатная музыка» («Жаргон тюрьмы»).

Будучи редактором Словаря Даля, он считал своей задачей «усовершенствование внешней отделки слов и исправление и включение слов, которыми обогатился живой язык за последние годы». Лексические дополнения составили 20 тысяч слов, в результате чего объём Словаря увеличился на 16 процентов.

Бодуэн де Куртенэ стремился восстановить в правах всё «живое, настоящее». Это касалось не только сохранения многочисленных пословиц и поговорок, но и значительного числа «бранных слов».

О причинах и закономерностях появления арго и необходимости его изучения он писал: «Научная точность каждого толкового словаря со стороны самого материала является в отражении действительности в жизни и воззрениях данного народа. Если жизнь является дикою и безобразною, составитель или же редактор должен примириться с этим печальным фактом и не может ограничиваться замалчиванием. Сказанное относится ко всему: сквернословиям, ругательствам, мерзостям площадного жаргона. Лексикограф не имеет права урезать и кастрировать «живой язык». Раз известные слова существуют в умах громадного большинства народа и беспрестанно выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету».

В предисловии к Словарю В.Ф.Трахтенберга его редактор также высказал мысль о необходимости изучения «тайного» языка, «жаргона тюрьмы», или «блатной музыки, составляющей» достоверный материал для психолога, этолога (тео-

ретика или историка этики или нравственности), юриста (теоретика и практика), фольклориста, исследователя народной словесности и прежде всего для лингвиста или языковеда. «Блатная музыка» есть один из русских «говоров», конечно, не в обыкновенном смысле этого слова. Бодуэн де Куртенэ вносит коррективы в понимание самого определения «жаргон тюрьмы». Для него это словарь не только воров, мошенников и шулеров, но и некоторых других профессий, заслуживающих «не столько презрения, сколько сострадания и прощающего понимания». Да и вообще, пишет учёный, «где грань между преступным и не преступным миром?»

В том же предисловии Бодуэн де Куртенэ отмечает, что «блатная музыка» является «продуктом международного общения того класса/общества, к которому принадлежат тоже и её русские носители. Носители «блатного промысла» и «блатных специальностей» принадлежат ко всему народу, ко всему человечеству. Благодаря этой международной русская «блатная музыка» всосала в себя не столько заимствованные слова, вынесенные с разных стран света, сколько своеобразные ассоциации значений, возникшие в чужой племенной среде, но вместе с тем, хотя в гораздо менее значительных размерах, и иноязычное построение слов и выражений, и даже иноязычные особенности произношения... Про составные элементы «блатной музыки» можно сказать, что они в значительной степени дают нам или общие международные «корни», или же, по крайней мере, международный, общечеловеческий способ ассоциации значений слов со всеми метафорами, иносказаниями и т. п.»

Интернациональное общение представителей преступного мира сказало в формировании блатного словаря, прежде всего, из польских и немецких аргос. Сам термин «блатной» перешёл из немецкого через польский *Rotwelch*. В немецком *Blatter* – вор, *blot* – доверенный, согласный на что-либо, польское *blot* – укрыватель краденного, *blatny*, *blotny* – преступный, то же, что и в русском аргос. Примеров этих множество. Скажем, из немецкого – *Freier* – пришло к нам популярное до сих пор словечко *фраер*. *Хавировать* на жаргоне означало подсовывать постороннему украденную вещь, в немецких аргос – *Chawre* – воровская компания, а *Chawer* – её член, в польских аргос *Chawira* – скрытое убежище. Вероятно, сказало здесь и украинско-польское значение глагола *ховать* – прятать, хранить, скрывать.

Кстати, заимствования из украинского в блатной лексике довольно значительны: *майдан* – кусок сукна, расстилаемый на нарах для игры в карты и для торговли, отсюда *майданщик* – тюремный ростовщик, (следует заметить, в татарском языке *майдан* означает площадь, место для большого собрания людей), *торбохват* – вор, крадущий на базаре у крестьян, *канать* – бежать, *канай* – сигнал об опасности, *шкапа* – деревенская кляча, *шимбитница* – виселица...

Кроме того, в жаргоне представлены иноязычные слова неарготического происхождения: *роба* – одежда, *бан* – вокзал, *гранда* – крупная кража, *форс* – деньги (от франц. *force* – сила), для *блезиру* (фр. *плейзир*) и др., многочисленные диалектизмы, например, сибирское *варнак* – каторжник, *челдон-чалдон* – сибиряк, *вода* – в сибирских острогах – предупреждение об опасности. Диалектные *оброть*, *обротка* – уздечка способствовали возникновению слова *обротник* – конокрад; *тырить* – толкать, прятать, скрывать, красть, отсюда *стырить* – укрывать. Слово *барахло*, зафиксированное в словаре со значением «всякая вещь, представляющая известную стоимость, может быть выставлена во время тюремной игры вместо денег, как-то: чай, сахар, бельё, сапоги, платье, инструменты», – также является диалектизмом.

В словаре богато представлена лексика тюркского происхождения. В частности: *бик* – женщина, *ашмалаш* – обыск, *яманный* – плохой, *сара* – деньги, *курсак* – живот, *кымыш* – серебро, *гектер* – нет.

Часть заимствований вошла в язык из прежде существовавших, «старших» аргю. Московский термин *жулик* восходит к офенскому *жуль*, *жулик* – ножик (*жулить* – резать) – один из тех арготизмов, которые получили права гражданства в литературном языке. Из прежнего офенского пришли к нам *клёвый* (замечательный), *барыга* (скупщик краденого), *баланда* (жидкая каша), *винт* (побег) и др.

Особо следует сказать о словах, которые появились путём переосмысления. А их немало. Так, вызванные к жизни торжественностью, значимостью судебной процедуры «термины» составляют целый пласт метафоризированной, образной лексики: *венчание* — суд над преступником, *повенчать* – осудить, *митрополит* – председатель суда, *дьячок* – судебный пристав, *шаферы* – присяжные и др. Или из другого смыслового ряда: *чердачок* – жилетный карман, *перо* – нож, *собачка* – висячий замок, *голуби*, *снег* – бельё, *рыжий*, *веснушчатый* – золотой, *веснухи*, *подсолнух* – золотые часы, *колесо* – серебряный рубль, *колёса* – сапоги, *лежавый*, *борзой* – предатель, *шпана* – коренное тюремное население (возможно, от *шпанка* – порода овец, которые в стадах кажутся серыми и однообразными). Список пополняет ряд не менее образных глагольных выражений: *загнуть в пузырёк* (бутылку) – раздражить, вывести из себя, *загнуть* – продать, *заливать* – врать, *арапа заправлять* – не платить долгов, *завести волынку* – вызвать протест.

В «блатной музыке» имеются достаточно длинные синонимические ряды, что говорит о богатстве выбора и возможности замены старых образований новыми: стоять на страже – *на стрёме*, *на цинке*, *бугай* (бумажник) – *финал*, *шмука*, *лопатка*, *боковня*, *тувиль*, *кожа*, *лопатина*, шулер – *гастролёр*, *аристократ*, *исполнитель* и др. Иногда к синонимическому ряду даются комментарии с указанием диалекта или места распространения: *барыга* в Москве – *мешок*, в южных губерниях – *блатак*, в западном крае – *гура*.

Блатной лексике в Словаре даётся пространная и объёмная интерпретация, иногда с перечислением синонимов, применяемых представителями разных воровских профессий, а также с указанием причины появления подобных определений. Так, распространённое и сегодня словечко *бабки* имеет следующее толкование: деньги, преимущественно кредитные билеты. На жаргоне мошенников они называются *фанагами*, или *барашками*, на жаргоне шулеров выигранные ими деньги называются *игрушки*, а находящиеся пока ещё у «пассажира» (партнёра по игре) – *кровь*. Отсюда *пустить кровь* – обыграть, *пошла кровь носом* – партнёр начал расплачиваться. Кредитные билеты разного достоинства носят разные названия, даваемые либо по созвучию данного слова с самим названием, либо просто по цвету. Например, рублёвый билет – *кенарь*, или *канарейка*, трёхрублёвый – *попугай*, пятирублёвый – *петух*, десять рублей – *карась* (красная купюра), тысяча рублей – *косая*, или *косуха*.

В приложении к Словарю Трахтенберга богато представлен юмор в виде пословиц, поговорок, присказок, о чём Бодуэн де Куртенэ говорит: «...лингвистическая «блатность» сказывается не только в отдельных словах, которым присвоено своеобразное значение, но и тоже в особенных, необыкновенных сочетаниях слов с присвоенными им своеобразными ассоциациями». Приведём лишь некоторые из них: *Всякому замку отмычка*; *Вор попал – мир пропал*; *Тяп-ляп, клетка в угол, сел – и печка* (конец); *Что мне законы, когда судьи знакомы*; *Ночь-матка всё кроет гладко*; *Люди горох молотить – воры замки колотить* (осенью число краж увеличивается)...

Важное типологическое замечание учёного о Словаре: «...предлагаемый сборник содержит в себе богатый материал для исследователей «поэтического», т.е. созерцательного, не аналитического, восприятия того, что существует и происходит как в нас самих, так и предположительно в так называемом внешнем мире,

свидетельствует о том, что Бодуэн де Куртенэ понимал «блатную музыку» именно как интуитивную образную реакцию на мир, как метафорическую фиксацию эмоционального опыта. Высказывание же его по поводу смехового начала в арго и само по себе весьма эмоционально, что вполне объяснимо обстоятельствами российской истории начала прошлого века: «Многие слова и выражения искрятся своеобразною иронией и юмором, который чаще всего подходит под понятие т. н. виселичного юмора». Но мы не должны забывать, что в переживаемое нами время нам необходимо упражняться и совершенствоваться именно в «виселичном юморе». А то без этой поддержки нам просто пришлось бы отчаяться и... повеситься. Спасибо «блатной музыке» за укрепление в нас этого столь драгоценного и живительного настроения».

162

